
DOI 10.15826/qr.2016.2.162

УДК 327.82(73)+327.82(470)+94(470)"1941/1945"

АМЕРИКАНСКИЕ ДИПЛОМАТЫ НА RENDEZ-VOUS С СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКОЙ И РУССКОЙ КУЛЬТУРОЙ (1941–1945)

Василий Христофоров
Российский государственный
гуманитарный университет,
Москва, Россия

AMERICAN DIPLOMATS ON A RENDEZVOUS WITH SOVIET POLICY AND RUSSIAN CULTURE (1941–1945)*

Vasily Khristoforov
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia

The article studies the activity of American diplomats in the USSR during World War II, the protagonist being Llewellyn Thompson (1904–1972), who worked for the US Embassy between February 1941 and October 1944. The period was marked by the activity of three American ambassadors, with several diplomats acting as Chargé d'Affaires. Referring to a number of previously unknown documents in the Central Archive of the Security Service of the Russian Federation, it has become possible to consider some of the peculiarities of American diplomats' service in the Soviet Union during World War II. The historical sources create an image of this diplomat that reflects his sincere love for Russian culture, a deep sympathy for the suffering of the Russian people, and intensive activity to establish connections between the two countries. The first part of the article (*Quaestio Rossica*. 2016. Iss. 1) discusses Thompson's career prior to the Great Patriotic War (his arrival in the USSR and work for the Embassy). The second part of the article focuses on Thompson's work after the US Embassy's return from evacuation. The diplomat took part in a number of

* *Citation*: Khristoforov, V. (2016). American Diplomats on a Rendezvous with Soviet Policy and Russian Culture (1941–1945). In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 2, p. 119–136. DOI 10.15826/qr.2016.2.162.

Цитирование: Khristoforov V. American Diplomats on a Rendezvous with Soviet Policy and Russian Culture (1941–1945) // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 2. P. 119–136. DOI 10.15826/qr.2016.2.162 / Христофоров В. Американские дипломаты на rendez-vous с советской политикой и русской культурой (1941–1945) // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 2. С. 119–136. DOI 10.15826/qr.2016.2.162.

major meetings with Soviet leaders, representatives of the People's Commissariat for Foreign Affairs, and the People's Commissariat of Foreign Trade, as well as the preparation of materials for international conferences. Archival materials describe events around the opening of the second front. At that time, American diplomats' actions and statements attracted special interest.

Keywords: World War II; USSR; USA; American diplomacy; Llewellyn Thompson; Central Archive of the Security Service of the Russian Federation.

Статья посвящена деятельности американских дипломатов в Советском Союзе в годы Второй мировой войны. Ее главным героем является Льюэллин Томпсон (1904–1972), работавший в посольстве США с февраля 1941 до октября 1944 г. На основе ранее не известных документов Центрального архива ФСБ России представляется возможным рассмотреть особенности работы американских дипломатов в Советском Союзе в годы Второй мировой войны. Исторические источники раскрывают интересный облик дипломата, его искреннюю любовь к русской культуре, глубокое сочувствие к страданиям русских людей и энергичную деятельность по налаживанию контактов между странами. В первой части статьи (*Quaestio Rossica*. 2016. № 1) рассказывается о прибытии Томпсона в СССР накануне Великой Отечественной войны и его работе в посольстве. Вторая часть статьи посвящена периоду работы Томпсона после возвращения посольства США в 1942 г. из эвакуации. Дипломат принимал участие в проведении целого ряда ответственных встреч с советскими руководителями, представителями НКВД, наркомата внешней торговли, в подготовке материалов к международным конференциям. Архивные документы свидетельствуют о событиях, связанных с вопросом открытия второго фронта. В тот момент действия и высказывания американских дипломатов вызывали особый интерес.

Ключевые слова: Вторая мировая война; СССР; США; американская дипломатия; Льюэллин Томпсон; Центральный архив ФСБ России.

Льюэллин Томпсон в военной Москве (1942–1944)

1942 г. стал для американских дипломатов годом весьма активной деятельности. Томпсон неоднократно принимал участие в переговорах, встречал и провожал специальных представителей президента США, приехавших в Москву для встреч со Сталиным, организовывал работу и культурную программу вновь назначенного посла во время его приездов из Куйбышева в Москву, вел активную дипломатическую переписку.

Весной 1942 г. из Куйбышева в Москву возвратились военный и военно-морской атташе и миссия снабжения США, а также часть сотрудников посольства. Все это создавало дополнительные заботы. Миссия снабжения, в которую входили 25 сотрудников во главе с генералом Фэймонвиллом, поселилась в доме № 13/15 по улице

Моховой, и Томпсон принял самое активное участие в налаживании их быта. Он организовал проведение частичного ремонта здания, уборку подъезда, раздобыл около ста метров материи для светомаскировки. Кроме того, постаравшись создать необходимые условия для работы, оказывал внимание лично Фэймонвиллу, приглашая его на обеды в особняке посла и у себя на квартире.

Томпсон не оставлял без внимания вопросы культурного обмена, заключавшиеся в поставках в Советский Союз кинокартин, фотографий, книг и журналов о США и т. д. Он считал важным информирование советского населения, в первую очередь интеллигенции, о жизни в США. В американском посольстве регулярно устраивались просмотры новых художественных и документальных кинофильмов. Кроме того, посольство США в СССР издавало бюллетень, в котором публиковались материалы американской прессы. Американцы ставили перед наркоматом иностранных дел СССР вопрос об издании на территории США журнала на русском языке и распространении его в Советском Союзе. Томпсон занимался отбором, закупкой и обработкой книг, выходящих в СССР, и отправкой их в Вашингтон. Он обращал особое внимание на книги по горнорудному делу и сельскому хозяйству.

Томпсон искренне желал, чтобы советско-американские союзнические отношения развивались и укреплялись. Поэтому, ознакомившись с содержанием книги «Неожиданная встреча с войной», написанной американской журналисткой Алисой Моутс, ранее работавшей в СССР, он дал ей негативную оценку. В книге рассказывалось об иностранных дипломатах и советских гражданах, с которыми Моутс встречалась в Советском Союзе. В некоторых героях книги, скрытых автором под псевдонимами, Томпсон легко узнал своих московских знакомых. Не жалея черных красок, Моутс писала о после Штейнгардте, рассказывая, как он выгнал ее из американского посольства. Много страниц было посвящено Вышинскому и Лозовскому, которым Моутс давала отрицательные характеристики. Томпсон был крайне недоволен выходом книги в свет тогда, когда «советско-американские отношения развиваются дружественно» [ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. № 5691. Л. 38]. Он критически относился к тем дипломатам, которые не разбирались «в самых простейших политических вопросах, где нужно было приложить свою мысль, а также к лицам, занимавшимся интригами» [Там же]. Он считал, что те дипломаты, которые думали, что они все знают и за несколько месяцев могут изучить Россию и писать о ней книги, глубоко заблуждаются. По мнению Томпсона, книги о России, которые вышли в последнее время за границей, писали именно такие некомпетентные люди.

Американских дипломатов интересовали взаимоотношения Советского государства и церкви. В начале апреля 1942 г. в Москве широко обсуждалось празднование Пасхи, а также то, что советское правительство разрешило допустить ночную пасхальную службу

в церквях Москвы и других городах, объявленных на осадном и военном положении. Такое решение принял лично Сталин, а предложения готовил глава НКВД СССР Берия. Среди жителей Москвы бытовало мнение, что разрешение свободного передвижения по городу ночью в пасхальный праздник стало проявлением ослабления давления на религию, обусловленного дружбой СССР с Великобританией и Америкой. В американском посольстве положительно оценивали разрешение для верующих ходить по городу в пасхальную ночь и подчеркнули, что «этот совсем новый жест произвел большое впечатление на всех американцев и англичан в Москве, потому что они порицали гонения на церковь в СССР» [ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. № 5691. Л. 39]. Накануне дня Пасхи 4 апреля Томпсон пригласил своих московских друзей встречать праздник в американском посольстве.

В апреле 1942 г. Стендли специальным самолетом прибыл из Куйбышева в Москву. Будучи в столице, он неоднократно посещал Кремль, Наркомат иностранных дел, Наркомат Военно-морского флота, Наркомат внешней торговли. Томпсон встречал и провожал Стендли, сопровождал его на некоторых официальных мероприятиях, организовал для него посещение филиала ГАБТ (опер «Травиата» и «Севильский цирюльник», балетов «Лебединое озеро» и «Конек-Горбунок»), филиала Малого театра (постановки ансамбля песни и пляски НКВД СССР «По родной земле»). Стендли интересовало, как изменились Москва и ее окрестности со времени его посещения в 1941 г. Он совершил пешеходную прогулку и автомобильную поездку по Москве. 20 апреля Стендли выезжал на Можайское шоссе, в пути следования он обратил особое внимание на построенные баррикады и противотанковые препятствия.

По мнению Томпсона, летом 1942 г. для всех воюющих стран наступал решающий момент в войне. Он предполагал, что немцы будут наступать на Севастополь и Ростов, и считал, что Гитлер вряд ли будет пытаться еще раз наступать на Москву. Томпсон верил, что в СССР, как и всегда в России, была самая мощная артиллерия в мире. Он считал, что Германия не сможет победить Россию, и полагал, что война может закончиться через полтора года, и в Германии к власти придет новое правительство, которое заключит дипломатические отношения с СССР. Он делал обоснованный долгосрочный прогноз: «Гитлер покончит жизнь самоубийством, Гимmlера растерзает народ, Геринг и Риббентроп улетят куда-нибудь на самолете, а правительство в Германии будет демократическое, и даже, возможно, коммунистическое». Томпсон считал, что во внешней политике послевоенной Европы «все будет зависеть от Кремля, если Сталин понимает положение вещей, то он, безусловно, изменит политику для того, чтобы после войны иметь первый голос в Лиге Наций и показать миру, что большевизм не опасен. Почему вся Европа боялась большевизма? Она боялась Коминтерна, который во всех странах имел большие возможности и громадные деньги, теперь

же Коминтерн уже не играет той роли. К тому же, надо сказать, что после войны почти во всех странах правление будет демократическое, а в России будет совсем другая жизнь притом, что правительство станет правее, и социализм будет приближен к демократическим системам во всех странах. Одно, что неизбежно останется, это НКВД, пугающий всех репрессиями. Но мне кажется, что в мирной обстановке и эти органы будут мягче. К тому же новая военная молодежь и молодые генералы, выигравшие так блестяще войну, смогут иметь большую силу влияния на судебные органы власти, пережив такую суровую войну. Может быть, будет опять НЭП или, во всяком случае, большие сдвиги в политике, какие должен сделать Сталин, завоевавший за эту войну большие симпатии в Европе и уже частично рассеявший страх перед коммунизмом. Нет худа без добра. Может быть, эта война создаст в будущем блестящее положение России и Сталину. Но раньше осени всем нам ничего хорошего ждать не приходится, хотя я уверен, что здесь будет спокойнее, чем на Западе, в смысле военных действий» [ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. № 5691. Л. 40–41].

Рассуждая о послевоенном устройстве мира, Томпсон надеялся, что «на этот раз Америка будет настолько умна, чтобы после войны остаться военным государством не только по названию, но и самым сильным военным государством в мире, типа Германии или России». Он говорил, что Америка не заинтересована в том, чтобы другие страны воевали, и поэтому «она должна быть самой сильной, чтобы суметь в короткий срок подавлять войны, если они будут возникать между другими государствами». Томпсон отмечал, что во время Второй мировой войны в США изменилось общественное мнение. Если ранее считалось, что Америка далеко, и ее ничего не касается, то теперь такие рассуждения не пользуются успехом у американцев, которые любят жизненные удобства и к политике обычно не проявляют интереса. Томпсон подчеркивал, что у американцев есть одно качество – это энтузиазм. Он говорил: «Американец с восторгом едет за 400 километров, чтобы посмотреть игру в бейсбол, и точно так же с восторгом будет работать по 12 часов в сутки для войны». По мнению Томпсона, необходимо было только направить этот энтузиазм в нужную сторону. Он считал ошибочным мнение о том, что Россия будто бы была не подготовлена к войне с Германией в материальном смысле. Сотрудники германского посольства в Москве информировали Берлин «о подготовленности СССР к войне, но в Берлине им не верили». Томпсон полагал, что если бы Гитлер признал сведения о числе самолетов и танков в Красной армии достоверными, то он вряд ли начал бы войну с Советским Союзом [Там же. Л. 41–42].

17 июня Берия направил Сталину и Молотову информацию об откликах советского населения в связи с подписанием 11 июня в Вашингтоне соглашения между СССР и США. Он сообщал о том, что подавляющее большинство советского населения одобряло факт под-

писания соглашения и расценивало его как большую победу внешней политики советского правительства. Звучали слова о том, что союзники помогут восстановить СССР после окончания войны, а помощь будет оказана не только военными материалами, но и открытием второго фронта. Люди верили, что второй фронт в Европе улучшит положение СССР, и война скоро будет закончена [Международное положение глазами ленинградцев. 1941–1945. С. 50–51].

Вместе с тем НКВД зафиксировал и отрицательные высказывания о том, что соглашение с США означает «экономическое закабаление СССР». Высказывались сомнения в реальности открытия второго фронта в Европе в 1942 г.: «Самым существенным в этих договорах является вопрос о втором фронте в Европе, а в остальном они мало прибавляют к фактическому положению, которое создано за последние месяцы войны. Англия и Америка приняли наши требования о более действенной помощи. Сомнительно только, удастся ли на деле осуществить открытие второго фронта». «Договору с Америкой нельзя придавать существенного значения, так как он составлен в крайне запутанных выражениях и предусматривает главным образом выгоды Америки, а не интересы СССР». «Если внимательно просмотреть текст соглашения с Америкой, то можно прийти к заключению, что договор означает предоставление американским банкирам концессий, а стало быть, и расширение частной инициативы внутри Советского Союза. При заключении этого договора нам, видно, пришлось пойти на большие уступки. Для американцев и англичан одинаково ненавистен гитлеризм и коммунизм, но поскольку первый напал на них, то им выгодно в этой борьбе использовать СССР, хотя они и ненавидят наш строй» [Там же. С. 52–53].

Следующий визит Стендли в Москву продолжался с 19 июня по 8 июля. По традиции Томпсон встречал и провожал посла на центральном военном аэродроме. Находясь в Москве, Стендли трижды (19, 24 июня и 3 июля) был в Кремле и встречался с Молотовым. 2 июля он был принят Сталиным. Томпсон, как и ранее, составил для Стендли программу культурных мероприятий. 20 июня в особняке посла состоялся просмотр кинофильма; 22 июня в Театре им. Станиславского – посещение балета «Виндзорские проказницы»; 27 июня – обед, на котором присутствовали американские и британские дипломаты, сотрудники миссии снабжения США и английской военной миссии; 2 июля – посещение Музея революции и осмотр немецкого трофейного оружия и картин, посвященных Красной армии; 3 июля – посещение выставки подбитых немецких самолетов в ЦПКиО им. Горького; 7 июля – осмотр в Музее Красной армии выставки трофеев, взятых при разгроме немцев под Москвой.

Летом 1942 г. советское руководство надеялось на то, что союзники откроют второй фронт в Европе, что значительно облегчило бы обстановку на советско-германском фронте. Однако в августе 1942 г. советская разведка получила достоверные данные о том, что «военный

кабинет Англии 25 июля на своем заседании принял решение второго фронта в этом году не открывать» [Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне, т. 3, кн. 2, с. 115].

Вопрос открытия второго фронта в Европе постоянно обсуждался. По мнению Томпсона, если Америка не будет принуждать Великобританию открыть второй фронт, Англия сама этого ни в коем случае не сделает. Томпсон надеялся, что американцы «раскачают англичан, чтобы открыть второй фронт в 1942 г.». Он считал, что если британцы «очень быстро не откроют второй фронт, то положение английских и американских военных, находившихся в Москве, будет незавидным». Томпсон говорил, что после войны Великобритания не сможет безапелляционно диктовать свои требования, потому что до сих пор она не очень много сделала для победы в войне. Он считал, что, возможно, после войны и Россия несколько изменит свою форму правления, она не будет настолько замкнута, и внутри страны будет более свободная жизнь [ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. № 5691. Л. 44–45].

6–24 августа Стендли находился в Москве в связи с переговорами между Сталиным, Черчиллем и Гарриманом. Он практически ежедневно проводил официальные встречи и беседы: несколько встреч с Молотовым в Кремле (6, 14, 21 августа), в НКВД (8, 10, 13, 14, 15 августа), на охраняемом загородном объекте, где велись переговоры на высшем уровне (13, 14, 15 августа), в Наркомате внешней торговли (15 августа) и Наркомате военно-морского флота (18 августа). Во всех официальных мероприятиях принимал участие Томпсон.

Культурная программа посла, кроме традиционного посещения театров, включала поход в зоопарк, 15 августа – просмотр кинофильма; 13 и 17 августа – в филиале ГАБТ балеты «Дон Кихот» и «Лебединое озеро»; 20 августа в Малом театре – выступление ансамбля песни и пляски Военно-морского флота «Флот в боях за Родину».

10 августа накануне приезда в Москву Черчилля и Гарримана Стендли провел пресс-конференцию для американских корреспондентов, посвященную вопросу открытия второго фронта в Европе. Он говорил уклончиво и неубедительно, не сообщив ничего конкретного и так и не ответив на прямой вопрос, сумеет ли СССР продолжать борьбу против Германии, если союзники в 1942 г. не откроют второй фронт [ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. № 5691. Л. 45].

Переговоры между Сталиным, Черчиллем и Гарриманом, находившимся в Москве в ранге специального представителя президента США, прошли 12–13 августа. В одной из бесед Черчилль сообщил, что в 1942 г. второго фронта в Европе не будет. Гарриман в беседах со Сталиным поднимал вопрос о возможности открытия авиационных баз для американских самолетов в Сибири. Эти самолеты могли бы активнее участвовать в боевых действиях против Японии. Сталин, в свою очередь, ответил, что американские самолеты могли бы взлетать с Аляски [Мировые войны XX века, кн. 4, с. 377–379]. Томпсон не только участвовал в церемонии встречи и проводов Гарримана

в Москве, но и присутствовал на некоторых беседах со Сталиным, сопровождал Гарримана в поездке в Тегеран.

В августе 1942 г. одновременно с Гарриманом в СССР прибыл известный специалист по России Н. Гендерсон, который по поручению государственного департамента США совершал инспекционную поездку в посольства США в СССР и на Ближнем Востоке. Приезд инспектора отразился на режиме работы американского посольства. Сотрудники жаловались на чрезмерную нагрузку, поскольку Гендерсон потребовал от них собрать объективные данные об экономическом положении Советского Союза и постараться определить степень его напряжения, дать прогноз, до какого момента СССР способен воевать против Германии [ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. № 5691. Л. 46–47]. Стендли с большим уважением относился к Гендерсону, называя его своим начальником. В сентябре, обсуждая с ним разногласия, возникшие между американским послом и Фэймонвиллом, Стендли возмущался увеличением численности сотрудников миссии снабжения США. Стендли намеревался через Гопкинса решить вопрос о повышении роли американского посла и одновременно ослабить положение Фэймонвилла, так как тот вел себя независимо и не подчинялся послу. По мнению Стендли, администрация ленд-лиза поступала непоследовательно, не согласовывала свои мероприятия с американским послом и, по сути, вела частную деятельность. Гендерсон поддерживал Стендли в том, что миссия снабжения США, военный и морской атташе, все приезжавшие в СССР американские представители должны подчиняться американскому послу и отчитываться перед ним.

Очередная поездка Стендли из Куйбышева в Москву (с 20 по 27 сентября) была связана с прибытием в СССР еще одного специального представителя президента США – Уэндела Уилки. Томпсон по традиции встречал гостей на аэродроме, принимал участие в некоторых беседах и официальных мероприятиях в Кремле и НКВД, организовывал посещение филиала ГАБТ, где они смотрели балет «Лебединое озеро» и слушали оперу «Евгений Онегин», Большого зала Московской консерватории, где давали 7-ю симфонию Шостаковича. 23 сентября в Кремле Уилки встречался со Сталиным. В этот же день Уилки и сопровождавшие его лица выехали на Западный фронт [ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. № 5691. Л. 48] (ил. 1).

Визит Уилки произвел на Стендли негативное впечатление. Он обвинял представителя президента в том, что тот не советовался с послом, не считался с его мнением, а находился под влиянием своего секретаря. В дни пребывания Уилки в СССР Стендли заявил Гендерсону: «Действия мистера Уилки здесь были отравлены влиянием, которое он сам не осознал. Он хотел фигурировать совершенно самостоятельно, вне всякой связи с государственным департаментом США» [ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. № 5691. Л. 48–49]. В начале октября 1942 г. Стендли называл свое положение в СССР «невыносимым» и полагал, что «единственный возможный выход из сложившейся

1. И. В. Сталин и У. Уилки после беседы 23 сентября 1942 г.

1. J. V. Stalin and W. Willkie after conversation, September 23, 1942

ситуации – поехать домой и не вернуться». Стендли считал, что советские представители теперь просто «игнорируют его». Он намеревался рассказать Рузвельту о ненормальностях в своей работе, а также изложить видение ее дальнейшей организации. Стендли надеялся убедить Рузвельта не направлять в СССР своих специальных представителей, больше доверяя послу. В противном случае, говорил Стендли, он не сможет «быть послом в Советском Союзе» [Там же. Л. 49].

Несмотря на негативное отношение к посланникам из Вашингтона, Стендли был вынужден принимать их в СССР и оказывать им дипломатическую поддержку. В этих целях он и Гендерсон на период с 4 по 8 октября прилетали самолетом из Куйбышева в Москву. В первый же день по приезду Стендли и генерала Ф. Брэдли в Москву Томпсон организовал для них посещение в филиале ГАБТ балетов «Коппелия» и «Шопениана». 5 октября Стендли и Гендерсон в Кремле встречались с Молотовым, а 6 октября были на приеме у Сталина.

В октябре 1942 г. Стендли и сотрудник посольства Э. Пейдж выехали в Вашингтон, что сразу же стало предметом активного обсуждения среди сотрудников посольства. Часть дипломатов считала, что отъезд посла был связан с тем, что Гендерсон проинформировал государственный департамент о недостатках, и после этого Стендли был вызван для получения новых инструкций. Другие, среди которых был и Томпсон, считали, что причиной отъезда Стендли стало «недоброжелательное отношение со стороны специального представителя президента Уилки» [Там же. Л. 51]. Томпсон отмечал, что отъезд Стендли насторожил советских руководителей и изменил их

отношение к послу: Сталин и советские руководители были «более сердечно настроены к американскому послу, чем это было ранее» [ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. № 5691. Л. 51].

Однако причина поездки американского посла в США была несколько иной. Стендли направил записку Рузвельту с просьбой разрешить ему вернуться в Вашингтон для проведения важных консультаций. Рузвельт дал такое разрешение, предполагая, что Стендли везет секретное послание от Сталина. Однако Стендли направился в США, во-первых, для того чтобы довести до президента США и его помощника Гопкинса собственные рекомендации относительно масштабов помощи по ленд-лизу, считая, что американская помощь должна быть пропорциональной ответным действиям Советского Союза. Во-вторых, Стендли потребовал, чтобы ему в подчинение передали генерала Фэймонвилла, а также попросил Рузвельта прекратить посылать специальных представителей в Москву. Но в итоге Стендли не нашел понимания [Данн, с. 224–225].

В начале ноября на период отсутствия Стендли был назначен временный поверенный в делах США в СССР Гендерсон, который прибыл в Москву, сопровождая американского генерала Патрика Хэрли, приехавшего в СССР со специальной миссией. Томпсон встречал высоких гостей. 5 ноября 1942 г. Гендерсона и Хэрли принял Молотов. В ходе беседы обсуждалась возможность встречи Хэрли со Сталиным [Советско-американские отношения, с. 318]. Во время пребывания в СССР генерал Хэрли демонстрировал полную лояльность к Советскому Союзу, он подчеркивал, что американцы питают искренние дружественные чувства к России, но в СССР еще нет таких искренних чувств к Штатам. Однако он надеялся, что между странами скоро будет достигнуто полное взаимопонимание. Время шло, но Сталин не торопился встречаться с генералом Хэрли. 11 ноября Томпсон, используя свои хорошие отношения с переводчиком Сталина В. Н. Павловым, пытался через него ускорить дату встречи генерала Хэрли со Сталиным [ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. № 5691. Л. 53]. В какой-то мере ему это удалось. Спустя три дня после телефонного разговора Томпсона с Павловым 14 ноября Хэрли был принят Сталиным. Беседа продолжалась почти полтора часа.

1943 г. стал для Советского Союза годом коренного перелома в ходе войны с Германией. Безусловно, серьезным подспорьем в успешных действиях Красной армии стала материальная помощь, поступающая из США.

12 января 1943 г. американское посольство возвратилось в Москву. Уже на следующий день Стендли был принят в Кремле Молотовым, а 15 января – заместителем наркома внешней торговли А. Д. Крутиковым. 26 января Сталин провел в Кремле короткую встречу с послом США Стендли, которого сопровождал Томпсон, а также с английскими дипломатами. Американские и британские дипломаты проинформировали Сталина о результатах секретной конференции,

которая проходила с 14 по 26 января в Касабланке. На конференции, в которой принимали участие Рузвельт, Черчилль и представители военного руководства обеих стран, было выдвинуто требование о безоговорочной капитуляции Третьего рейха, Италии и Японии. Простое перемирие для союзников было неприемлемо [ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. № 5691. Л. 54; Вторая мировая война. День за днем. С. 216].

События марта 1943 г. надолго запомнились многим политикам и военным и в СССР, и в США. 8 марта посол Стендли собрал пресс-конференцию американских журналистов и неожиданно для всех обрушился с резкими обвинениями в адрес Советского Союза. Он говорил о замалчивании перед широкими слоями советского населения размеров американской помощи СССР, о том, что только эта помощь могла обеспечить размах нынешнего наступления Красной армии. Поздно вечером того же дня американские журналисты, получившие такой сенсационный материал, сдали в отдел печати НКВД телеграммы, в которых была полностью изложена речь Стендли. Утром 9 марта советская контрразведка располагала полными данными о состоявшейся пресс-конференции и о том, что лишь корреспондент «Таймс» Ральф Паркер сопроводил свою телеграмму резкими комментариями, в которых критиковал выступление Стендли, называя его несправедливым, и заявил о ничтожной помощи союзников по сравнению с теми жертвами, которые несет СССР. Тем не менее, все телеграммы американских корреспондентов были согласованы и пропущены за границу [ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. № 5691. Л. 55].

10 марта Молотов встретился со Стендли. Во время беседы, которая продолжалась около двух часов, нарком иностранных дел СССР выразил недовольство по поводу бестактности американского посла, а затем объяснил отсутствие информации по освещению ленд-лиза в советской печати: «Советское правительство считало неразумным подчеркивать в печати огромную величину помощи, поступавшей из Америки, поскольку это привлекло бы внимание держав “оси” и заставило бы их с большим усердием уничтожать морские караваны». Молотов добавил, что в СССР «любой простой человек знает наизусть число танков и самолетов, которые мы получили из Америки». Однако Стендли стоял на своем, он говорил, что у него нет доказательств благодарности Москвы за помощь, приходящую по линии ленд-лиза [Данн, с. 270].

За период с 10 марта по 14 апреля Молотов пять раз встречался с американским послом. Стендли воспринял такую активность как результат своего демарша и считал, что только благодаря его настойчивой позиции и продолжительным беседам с Молотовым об американской помощи в советской прессе появились материалы, в которых звучали слова благодарности США за помощь по программе ленд-лиза. О резко возросшем интересе к Стендли свидетельствует и то, что на рядовое мероприятие – просмотр кинофильма в особняке американского посла, проводившийся 13 марта, собралось необычайно большое количество иностранных дипломатов.

Названная пресс-конференция Стендли, а также выступление первого посла США в СССР У. Буллита в Филадельфии в марте 1943 г. с речью, в которой он критиковал позицию администрации США по отношению к идее послевоенного сотрудничества с Советским Союзом, свидетельствовали о различных настроениях в общественном мнении США [Мальков, с. 264].

В каждый из приездов Стендли из Куйбышева в Москву Томпсон приглашал посла на обеды или вечера, которые устраивал в своей квартире. Стендли был знаком с московскими друзьями Томпсона, в том числе и с его русской девушкой, и хорошо к ней относился. Стендли добросовестно исполнял обязанности по встрече и проходам гостей, приезжавших в СССР. Рядом со Стендли часто можно было увидеть и Томпсона [ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. № 5691. Л. 56–57]. Он присутствовал на беседах посла с иностранными дипломатами и на официальных приемах. 1 апреля Стендли и Томпсон встречались с норвежским послом Рольфом Андвордом, 6 апреля посетили штаб британской военной миссии, где состоялся прием в честь прибывшего ее главы генерала Гефферда Мартеля [Там же. Л. 57]. 6 мая были в Кремле днем, а вечером – на приеме в особняке НКВД.

В конце апреля 1943 г. Стендли был извещен, что в мае в Москву в качестве специального представителя президента США для организации встречи со Сталиным приедет Дж. Э. Дэвис. Стендли расценил это как элемент недоверия. Он считал, что Дэвис совершенно некомпетентен и не способен выполнить задачу, поставленную Рузвельтом. 3 мая Стендли подал в отставку.

19 мая Дэвис прибыл в Москву. Главной целью его миссии было доставить Сталину письмо Рузвельта, в котором содержалось предложение о личной встрече. 20 мая Дэвис и Стендли пришли к Сталину. Стендли объяснил ему цель визита Дэвиса и добавил: «Наш президент поставил меня в известность, что не желает моего присутствия при вручении этого письма. С вашего позволения, мистер Сталин, я удаляюсь». Удивленный Сталин ответил: «Как вам угодно», – и Стендли вышел [Данн, с. 278; На приеме у Сталина, с. 408].

Первая встреча Дэвиса со Сталиным продолжалась более двух часов. Специальный представитель президента США пытался довести до главы Советского государства позицию Рузвельта по международным событиям. Сталин жестко критиковал польское правительство в эмиграции, которое, по его словам, предало Россию. Он просил предоставления СССР большей военной помощи, в первую очередь самолетов и боевой техники. Дэвису нужно было укрепить уверенность Сталина в том, что он получит поддержку Рузвельта для экспансии Советского Союза в Восточной Европе. На следующий день Дэвис сказал Стендли, что не знает содержания письма, которое привез Сталину, и отказался раскрыть существо разговора с советским руководителем. Было ясно, что американский посол не играл никакой роли [Данн, с. 282].

Вечером 23 мая Сталин устроил обед в честь Дэвиса и Стендли, в течение которого произносились тосты за советско-американское сотрудничество, «настоящего друга СССР» Дэвиса, вооруженные силы союзников, победу под Сталинградом и Красную армию.

Вторая встреча Дэвиса со Сталиным прошла 26 мая и продолжалась почти два часа. Сталин вручил Дэвису письмо к Рузвельту и сказал, что встреча руководителей СССР и США и ее дата будут зависеть от военной обстановки. Сталин вновь говорил о послевоенном устройстве мира. Он подчеркнул, что СССР на границах с Польшей, Финляндией и Румынией хотел иметь государства с дружественными правительствами, при этом назвал польское правительство в эмиграции «антисоветским».

Сталин знал, что Стендли скоро будет заменен, тем не менее, после отъезда Дэвиса 4 июня он принял американского посла и 40 минут беседовал с ним. Стендли сообщил Сталину, что союзники не будут осуществлять вторжение в северную Францию в 1943 г., а вместо этого будут стараться вывести Италию из войны.

21 июня Стендли и Томпсон встречали членов ЦК Красного Креста США. 22 июня они были в Кремле на приеме у Молотова. Стендли от имени президента США передал Молотову ордена для вручения командирам и бойцам Красной армии, награжденным американским правительством за героизм в борьбе с германским фашизмом [ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. № 5691. Л. 59].

Вопрос о возможности сотрудничества с Россией в США постоянно изучался различными аналитическим службами. К 1-й Квебекской конференции исследовательским и аналитическим департаментом Управления стратегических служб США был подготовлен доклад «Могут ли Америка и Россия сотрудничать?» [Мировые войны XX века, кн. 4, с. 446–450]¹. В нем детально анализировались американские и советские цели в Европе и делался вывод, что скорейшее начало боевых действий там будет выгодно обеим странам.

В 1943 г. произошла очередная смена американского посла в СССР. 18 сентября Стендли уехал из Москвы, а уже 30 сентября Вышинский сообщил временному поверенному в делах США в СССР Максвеллу Гамильтону о согласии на выдачу агремана новому американскому послу в Советском Союзе Гарриману. Гарриман предполагал оставить в Москве многих из тех, кто работал у Стендли, исключая генерала Фэймонвилла, которого заменил генералом Джоном Дином. 18 октября Гарриман прибыл в Москву. Одновременно с ним приехал госсекретарь США Хэлл. В этот же день Гарриман и Хэлл были на приеме у Молотова. 19 октября 1943 г. начала работу конференция министров иностранных дел СССР, Великобритании и США, в работе которой участвовал и Гарриман. По мнению Данна, «Рузвельт несколько беспо-

¹ 1-я Квебекская конференция проходила 14–24 августа 1943 г. с участием Рузвельта и Черчилля. Обсуждался план подготовки вторжения англо-американских войск во Францию, начало которого намечалось на 1 мая 1944 г.

коился по поводу того, что говорил Хэлл от имени Соединенных Штатов на встрече министров иностранных дел, поскольку последний не входил во внутреннее окружение. Президент хотел, чтобы Гарриман приглядывал за госсекретарем. <...> Гарриман докладывал Рузвельту, что Хэлл отлично выполнил свою задачу» [Данн, с. 311, 314].

21 октября в ходе беседы с Молотовым по случаю предстоявшего вручения верительных грамот Гарриман проинформировал о настроениях американской общественности в отношении союзнических обязательств, взятых на себя США; сказав, что твердая решимость вести эту войну совместно до конца как в Европе, так и на Тихом океане одобряется подавляющим большинством американцев, он вместе с тем отметил, что в Америке имеются сообщества, которые издают свои газеты и утверждают, что Соединенные Штаты совершили ошибку, вступив в войну.

Еще перед отъездом из Америки в Советский Союз Гарриман поставил условие Рузвельту, чтобы ни один вопрос, связанный с СССР, не решался без ведома и согласия американского посла в Москве. Поэтому Гарриман добился отзыва главы американской миссии снабжения генерала Фэймонвилла из СССР, хотя тот намеревался договориться с новым послом, хотел избежать конфликтов, которые возникали ранее.

28 ноября – 1 декабря 1943 г. проходила Тегеранская конференция, в которой приняли участие главы правительств СССР, США и Великобритании. Участники конференции договорились о совместных действиях в войне против Германии и послевоенном сотрудничестве. США и Великобритания обязались открыть второй фронт в Европе в течение мая 1944 г., а СССР – вступить в войну против Японии после разгрома фашистской Германии.

Иностранные дипломаты в Москве внимательно следили за приготовлениями и ходом Тегеранской конференции. Так, посланник Швеции в Москве Вильгельм Ассарссон в день открытия конференции интересовался у Томпсона слухами о том, что «где-то на Ближнем Востоке происходит встреча президента Рузвельта со Сталиным и Черчиллем». Томпсон ответил, что не имеет права разглашать государственную тайну, хотя «болтливая американская печать ее уже разгласила». Ассарссон надеялся, что на этом совещании будет обсуждаться вопрос вывода Финляндии из войны, а Рузвельт и Черчилль уговорят Сталина дать заверение, что «советские войска не оккупируют Финляндию в случае, если она потребует вывода германских войск с ее территории». Обсуждая вопрос открытия союзниками второго фронта в Европе, Томпсон полагал, что десант союзников в Западной Европе в 1943 г. преждевременен, поскольку германское командование сможет сконцентрировать свои войска на угрожаемом участке, «произойдут кровопролитные бои, потому что у немцев там имеется больше войск, чем сможет бросить Америка, если даже использует своевременно весь флот» [ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. № 5692. Л. 62–63].

Гарриман вернулся в Москву сразу после окончания Тегеранской конференции. Уже 18 декабря Сталин принял американского посла и сказал, что теперь ему кажется, что он хорошо узнал президента Рузвельта и чувствовал себя прекрасно в его обществе [Данн, с. 332].

В конце апреля 1944 г. Гарриман, уезжая в Вашингтон, поручил Томпсону заняться хозяйственными делами посольства: провести ремонт особняка посла, здания посольства и подготовить к летнему сезону дачи. Еще в октябре 1943 г. Гарриман обратил внимание на плачевное состояние особняка американского посла: часть окон была разбита и заколочена фанерой, система отопления и водоснабжения работала плохо, стены требовали шпаклевки и покраски. Представители посольства США неоднократно ставили перед бюро по обслуживанию иностранцев вопрос о выделении дополнительных помещений. Им каждый раз давали обещание рассмотреть вопрос, но дополнительные помещения для американского посольства по разным причинам не выделялись. Когда в июле 1944 г. в Москву приехала большая группа американских военнослужащих, их пришлось разместить в палатках, которые установили в саду особняка посла.

В годы войны американцы уделяли серьезное внимание вопросам американо-советского культурного обмена. Томпсон установил хорошие контакты с руководством Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС), Комитета по делам кинематографии, Радиокомитета. Томпсон посещал фестиваль содружества американской, британской и советской кинематографии при СНК СССР (август 1942 г.), на котором обсуждалась деятельность киноактеров и кинопромышленности СССР, США и Великобритании. После прибытия в Москву Гарримана Томпсон перестал заниматься вопросами организации культурного сотрудничества между учеными, писателями, художниками США и СССР, поскольку это направление деятельности было поручено Кэтлин Гарриман.

Работая в американском посольстве в СССР, особенно когда большая часть сотрудников была эвакуирована в Куйбышев, Томпсон получил прекрасную дипломатическую практику. Наряду с обычными обязанностями, в 1942 г. ему поручалось служить каналом для обмена посланиями между Рузвельтом и Сталиным (как он говорил, он был «своеобразным почтовым отделением»). Томпсон принимал участие в проведении целого ряда ответственных встреч с советскими руководителями, представителями НКВД, наркомата внешней торговли, в подготовке материалов к международным конференциям. Оценивая свой опыт участия в открытых встречах с советскими представителями, Томпсон говорил, что русские очень подозрительны, они привыкли везде искать скрытый смысл. Даже обычные русские люди, читая советскую прессу, пытались читать между строк.

1 января 1942 г. на празднование Нового года в американскую миссию снабжения были приглашены московские артисты и балерины. Был на этом вечере и Томпсон. Возможно, именно там он познако-

мился с одной из артисток Большого театра. Она понравилась Томпсону и с этого дня стала неизменным гостем в особняке американского посла. Томпсон стал ухаживать за балериной и вскоре понял, что влюблен. Девушка ответила ему взаимностью. Начались романтические отношения. Вскоре балерина познакомила Томпсона с матерью. Томпсон мечтал представить свою русскую девушку родителям, будучи уверен, что она им понравится.

Романтические отношения между американскими дипломатами, сотрудниками военной миссии и русскими девушками не были чем-то необычным. Чаще всего романы завершались после отъезда иностранцев на родину, но иногда они заканчивались браками, которые приносили молодоженам много трудностей. Посольству стоило огромных трудов получить разрешение на выезд девушек из СССР. Так, в 1944 г. Гарриману удалось получить разрешение на выезд в Америку вместе с мужьями двух русских жен, но это было только исключением и стоило больших усилий. Гарриман говорил, что Сталин и Молотов иногда вмешивались в решение таких вопросов, но общий закон оставался без изменений. Получение разрешения на выезд было столь трудным, что Гарриман предлагал Государственному департаменту США брать с каждого американского дипломата и других государственных служащих подписку, в которой они в случае заключения брака с советскими гражданками брали бы на себя обязательство не требовать от правительства быстрого решения их вопроса.

Несмотря на то, что Томпсону нравилось жить и работать в Москве, более того, у него здесь была любимая женщина, к осени 1944 г. он пришел к выводу, что дальнейшее пребывание в России с карьерной точки зрения нецелесообразно. Томпсон считал, что ему необходимо вернуться в США и стать специалистом по России, которых в Америке не так много, и потом как можно скорее вернуться в Москву. Томпсон опасался, что может быть переведен в какую-нибудь страну вроде Уругвая или Парагвая только на том основании, что прошел срок, определенный для пребывания на одном посту. Именно поэтому он хотел вернуться в США осенью 1944 г., устроиться на работу в отдел европейских стран государственного департамента и там возобновить знакомство с людьми, от которых будет зависеть его последующее возвращение в Россию. Томпсон считал, что чем дольше он остается в России, тем больше отдаляет время своего следующего приезда. Однако указание об отъезде в США, полученное Томпсоном в октябре, оказалось для него в какой-то мере неожиданным. Он предполагал, что его отъезд произойдет позднее, и несколько дней не говорил своей русской возлюбленной о том, что его переводят. Разговор с ней был слишком тяжелым для Томпсона. Он был вынужден прямо сказать, что хочет жениться, но не может этого сделать, оставаясь на службе. Перед Томпсоном была дилемма: жениться на русской балерине и бросить службу в Государственном департаменте США, но тогда он не сможет прокормить семью, поскольку не имеет

других средств к существованию. Вторым вариантом было остаться на государственной службе и отложить женитьбу (до выхода на пенсию Томпсону оставалось около 13 лет). Томпсон избрал второй вариант и нашел понимание и поддержку у своей девушки. Его очень угнетало то, что он не женился, и его отъезд мог быть истолкован окружающими как несерьезное отношение к русской возлюбленной. Среди иностранных дипломатов в Москве подобные отношения назывались временными, или «туземным романом», который быстро заканчивался. Кроме того, Томпсон не хотел, чтобы в госдепартаменте узнали о существовании русской невесты, тогда ему не удалось бы больше приехать в Россию [ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. № 5692. Л. 69–72].

19 октября 1944 г. Томпсон убыл из Москвы. Вернуться в советскую столицу ему удалось не так быстро, как хотелось. В апреле 1945 г.

Томпсон был назначен специальным представителем Государственного департамента США для связи с советской делегацией, прибывшей в Америку для участия в работе конференции Объединенных Наций в Сан-Франциско. В декабре 1945 г. Томпсон приезжал в Москву в составе американской делегации, участвовавшей в работе сессии Совета министров иностранных дел СССР, США и Великобритании.

Вновь Томпсон вернулся в Москву только в июне 1957 г. уже в качестве посла США в Советском Союзе и находился на этой должности до апреля 1962 г. (ил. 2). Вторично Томпсон был назначен на этот пост в декабре 1967 г. (до января 1969 г.). Пока это единственный дипломат, дважды исполнявший обязанности посла США в СССР.

2. Льюэллин Томпсон покидает здание МИД СССР. Москва. 1960-е гг.

2. Llewellyn Thompson leaving the Ministry of External Relations of USSR. Moscow. 1960s

Список литературы

Данн Д. Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве. М. : Три квадрата, 2004. 472 с.

Мальков В. Л. Проблемы внутренней политики и дипломатии : Историко-документальные очерки. М. : Мысль, 1988. 348 с.

Международное положение глазами ленинградцев : 1941–1945. СПб. : Европейский дом, 1996. 168 с.

- Мировые войны XX века : в 4 кн. М. : Наука, 2005. Кн. 3. Вторая мировая война : ист. очерк. 597 с. Кн. 4. Вторая мировая война : документы и материалы. 677 с.
- Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне : в 5 т. М. : Кучково поле, 2000–2007.
- Советско-американские отношения. 1939–1945. М. : Междунар. фонд «Демократия», 2004. 792 с.
- Центральный архив ФСБ России. Ф. КПИ. № 5691–5692.

References

- Dunn, D. (2004). *Mezhdu Ruzvel'tom i Stalinyim. Amerikanskie posly v Moskve* [Caught between Roosevelt and Stalin. America's Ambassadors to Moscow]. 472 p. Moscow, Tri kvadrata.
- Mal'kov, V. L. (1988). *Problemy vnutrenney politiki i diplomatii: Istoriko-dokumental'nye ocherki* [Internal Policy and Diplomacy Issues: Historical and Documentary Essays]. 348 p. Moscow, Mysl'.
- Mezhdunarodnoe polozhenie glazami Leningradtsev 1941–1945* [Leningrad Residents' Opinion on the International Situation in 1941–1945]. (1996). 168 p. Sankt Petersburg, "Evropeysky dom".
- Mirovye voyny XX veka: v 4 kn. Kn. 3: Vtoraya mirovaya voyna: ist. ocherk. Kn. 4: Vtoraya mirovaya voyna: dokumenty i materialy* [World Wars in the 20th Century: 4 vol. Book 3: World War II: Documents and Materials]. (2005). 597 p. 677 p. Moscow, Nauka.
- Organy gosudarstvennoy bezopasnosti SSSR v Velikoy Otechestvennoy voyne. T. 1–5.* [State Security of the USSR during the Great Patriotic War: Vol. 1–5]. (2000–2007). Vol. 1–5. Moscow.
- Sovetsko-amerikanskie otnosheniya. 1939–1945* [Soviet-American Relations. 1939–1945]. (2004). 792 p. Moscow, Mezhdunarodnyy fond "Demokratiya".
- Tsentral'nyy arkhiv FSB Rossii. F. KPI. № 5689–5692* [The Central Archive of the FSB of Russia. F. PPC. № 5691–5692].

The article was submitted on 18.03.2016